

Никогда не жалеете о том, чего у вас нет, — так считает незрячий режиссер

Какой русский не любит хандры! Большинство из нас регулярно попадают в загадочную созерцательность. От «нет настроения» уходят с работы пораньше, выпивают свои ипохондрические сто грамм и принимаются носиться со своей вдрызг несчастной жизнью по белу свету. Несколько лет назад с диагнозом «депрессия» я попал к Вере Василевской. Кто-то посоветовал: познакомись, мол, жить легче станет. Я сидел в кресле, курил и созерцал. Маленькая комнатка была забита людьми. Из разногласного гама можно было понять, что обсуждается некий спектакль. В пылу дискуссии моего мрачного вида никто не хотел замечать, отчего становилось еще тоскливее. Потом Вера читала свои переводы испанских поэтов. Стихи были замечательные, если не считать того, что накануне я не сдал экзамен по испанскому в университете. Чуть позже мне стало известно, что незадолго до моего злосчастного экзамена Вера лишилась трех пальцев правой руки и полностью потеряла зрение. Это произошло после окончания годичных режиссерских курсов при ГИТИСе и во время поступления на режиссерский факультет. Туры шли прекрасно, будущее вселяло надежды. И... осложнение тяжелой хронической болезни, операции, изуродованная рука, реанимация и полная слепота. Четыре стены, тьма, сочувствие близких. Через две недели Вера окончательно принимает решение о создании «Эспады» — театра импровизации. До этого

была группа подростков 14 - 16 лет, теперь приходят взрослые люди. Много работы. Несколько раз меняется актерский состав. Выступления в ДК, школах, библиотеках, куда пригласят. Снова работа. Две операции на глазах в Америке. Врачи дают один шанс из тысячи, что после возможных девяти операций можно будет увидеть свет. Снова работа и спектакли. Дома, для 10 - 15 зрителей. Большого количества комната не вмещает. Вера выходит замуж. За актера своего театра. Появляется дочь.

- Как ребенок? - спрашиваю Веру.

- Все замечательно. Скоро выйдет на сцену.

- Кто?

- Моя дочь, конечно. Думаю над спектаклем, в котором будет маленький ребенок. Правда, в своей первой роли Сашурка уже выходила на сцену в пятимесячном возрасте, в студийном капустнике сыграла сына наполеоновского маршала.

Мы говорим еще. Наконец я решаю:

- Извини за банальный вопрос: что тебе помогло справиться с темнотой, которая ломала вроде бы очень сильных людей?

Она думает.

- Да, было тяжело. Тому, кто слеп с рождения, наверное, все-таки легче. Потерять зрение в 23 года - это значит изменить всю свою жизнь. А силы дало прежде всего то, что я человек верующий. Слепоту я восприняла, может быть, не как что-то естественное,

но как возможное и до отчаяния, слава Богу, не дошла. Потом я поняла, что слепота дана была мне во спасение, что ли.

- Во спасение?

- «До» жизнь была слишком суетная. Я работала в ДК, давала уроки хореографии, занималась живописью, разрывалась между историей и театром. Тогда мне еще не приходило в голову, что соединить две свои любви я могу в театре исторической драмы. История стала моей профессией, театр останется вечной любовью. А тогда накапливалась душевная усталость, какой-то скепсис. Мне все удавалось, и это могло зайти очень далеко. Слепота помогла вернуться к себе. Скажу больше: людям с очень серьезными физическими недостатками жить намного легче. Это не парадокс, нет. Мы знаем цену жизни, и то, что нам недоступно, помогает больше ценить то, что есть. Так живут многие мои слепые друзья.

- Театр импровизации - единственный в своем роде. Кто пользовался этим методом?

- Многие, из «корифеев» - Мейерхольд, Вахтангов. Последний всерьез мечтал сделать спектакль полностью импровизационным.

- К импровизации на сцене, наверное, способен только человек с огромным культурным и профессиональным багажом. Актеры «Эспады» - люди даже не среднего возраста...

- Импровизация не синоним отсебятины. Станиславский говорил, что импровизация - это высшая степень актерского мастерства. Для этого, конечно, нужно быть очень культурным, образованным, общительным человеком. Прежде чем приступить к роли, каждый из нас проходит огромную подготовку. Это работа с историческим материалом, серьезные разборы, десятки этюдов.

Задача актера-импровизатора - облечь в словесную форму чувства и мысли своего персонажа, причем в соответствии со стилистическими требованиями эпохи. Испанский король, фламандский шут, мальтийский рыцарь, русская великая княгиня, генерал 1812 года, петербургская актриса - вот такие персонажи действуют в наших спектаклях. Импровизировать можно, только зная о своем персонаже все. Актер в полном смысле этого слова творит свою роль. Режиссер только направляет.

- Чего вам не хватает для театрального благополучия? Денег?

- Нет. Работаем мы бесплатно. Это наше правило. Сkostenями иногда помогают добрые люди из профессиональных театров, многое делаем сами. Декораций, конечно, минимум. Хотелось бы иметь бескорыстно художника-декоратора. Зрители? Нам есть для кого играть. Их немного, но мы и не рассчитываем на массового зрителя.

Сцена? Опять повезло. Администрация ДК «Дружба» во главе с директором Г. Трофимовым приютила нас. Им самим трудно, денег не хватает, но нам они помогли. Теперь у нас есть зал, помещение для репетиций. До этого мы несколько лет играли на четырех квадратных метрах, лицом к лицу со зрителем. Наша идеальная форма - театр в фойе. Ну, что еще? Нужны типажы - люди, которые по внутренним и внешним данным

способны сыграть, например, Багратиона, Александра I, Мюрата. Вот это, пожалуй, главная проблема.

- Как удается вслепую руководить действиями актеров на сцене?

- Меня вдохновлял пример Игоря Ильинского, когда, потеряв зрение под конец жизни, он продолжал играть и ставить.

Я тренировалась безошибочно ориентироваться на голос, даже на движение. А поскольку театр камерный, это делать было можно. К тому же я сама играю, поэтому могу ощущать то, что происходит вокруг меня. Зрители иногда ничего не замечают...

- Как ты познакомилась со своим мужем?

- В этой истории есть что-то мистическое. Ставили «Кармен». Роль Хосе исполнили два человека. И каким-то таинственным образом и у первого, и у второго игра стала переходить в жизнь, оба влюбились в меня. Работа не могла продолжаться. Я подумала, что если так случится и в третий раз, произойдет что-то роковое. Третьим Хосе стал Алексей. Теперь это мой лучший друг, помощник, советчик, первый критик.

- Собираешься учиться режиссуре дальше?

- Наверное, я смогла бы учиться режиссуре только у Бориса Гавриловича Голубовского, режиссерские курсы которого я окончила и которому обязана всем, что знаю и умею в театре. К сожалению, он уже не на-

бирает себе учеников, и приходится ограничиваться человеческим и где-то профессиональным контактом. Он поддерживал меня в самые трудные моменты моей жизни. Я знаю, что если мне нужен совет, я всегда могу снять телефонную трубку и набрать его номер. Это необыкновенный человек, профессионал высочайшего класса, настоящий русский интеллигент. Мне просто повезло, что я встретила с ним. Мне вообще везет...

- Что бы ты могла пожелать читателям, которые увидят в газете материал о тебе?

- Радоваться тому, что есть, и никогда не жалеть о том, чего нет. Этому меня научила моя мама. И, конечно, приходите к нам в театр в качестве актеров и зрителей. У нас никто без дела не останется.

Вера улыбается. Слышно, как в соседней комнате просыпается ребенок. Я прощаюсь и ухожу со смутным ощущением чего-то недопонятого и в то же время с глубокой уверенностью в правоте каждого ее слова.

- В декабре премьера! - кричит Вера мне вдогонку. - Оставлю тебе место в директорской ложе.

- Да, конечно, - отвечаю я.

Борис ГОЛКИН.

На снимке: Вера Василевская в роли Шута («Эскариал», 1991 г.)